

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА В СТРАНАХ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ*

Пятнадцать лет после польского «Круглого стола»

Гжегож Колодко,

директор Научного центра TIGER** (Польша)

Ответ для экономиста является вопросом для политика. Большинство экономистов ежедневно сталкиваются с практическим вопросом – как организован мир? Почему экономические, финансовые, социальные процессы идут так, как идут, а не иначе? Когда экономисты делают свои выводы, они могут обосновать некоторые аспекты научно, предложить свой ответ, который, в свою очередь, становится вопросом для политиков, стремящихся изменить мир к лучшему. Последние изменяют мир и, в самом деле, делают это в течение многих лет, столетий, тысячелетий, хотя очень спорен вопрос – является ли мир сегодня, в 2004 г., лучше в чем-либо, чем был 5, 20, 500 или 5000 лет тому назад.

Конечно, можно видеть большие различия, путешествуя вдоль своеобразной линии времени в современном мире – от наиболее развитых регионов в ведущих странах, таких как, например, Бавария в Германии или Массачусетс в США, к наименее развитым регионам и беднейшим странам: Африки, например Бурунди, или Азии, например Камбоджа. Следовательно, можно увидеть, как экономики выглядят сегодня и как они выглядели где-либо сотни лет тому назад. И совсем другой мировая экономика станет в будущем. Вопрос: как она будет выглядеть?

В этом постоянно меняющемся мире каждый ищет свое место, уточняя и переуточняя

его сотни раз. Некоторые текущие процессы, связанные с непрерывными изменениями, происходят спокойно, другие могут быть очень бурными; некоторые вещи податливы и предсказуемы, другие преподносят сюрпризы и с ними трудно управляться. Проблемы, таким образом, не в дефиците событий, которые делают жизнь экономистов весьма интересной. Что бы ни происходило – растут или снижаются цены, обесценивается или укрепляется национальная валюта, дефицитен или профицитен текущий счет, приходит капитал в страну или уходит из нее – всегда существуют проблемы для решения и вопросы для ответа. И каждый последующий ответ вызывает новые вопросы. Что делает экономику столь специфической дисциплиной, так это то, что ее предмет очень походит на живой организм.

Экономисты, скорее, предпочитают получить понимание того, что от чего зависит, как вещи работают, что продолжается и почему, нежели обнаружить, что реальность ушла вперед. Экономические теории, которые были жизнеспособными и доказанными поколение или два тому назад, сегодня могут оказаться несостоятельными в разработке надежных прогнозов. Ситуация похожа на фотографирование из вагона скорого поезда. Даже при использовании цифровой фотокамеры, когда картинка появляется почти мгновенно, сравнение фотографии с видом из окна показывает, что последний изменился. Поскольку мы движемся во времени и пространстве, то все, что, кажется, является адекватной теорией, может далее не соответствовать реальности.

Наш регион, включающий Центральную и Восточную Европу и огромное пространство от центра Европы до Тихого океана, с населением 1,7 млрд чел., проходит через очень сложный процесс системной трансформации. И все время стоит вопрос – существует ли соответ-

* Перевод к.э.н. Л.М. Крюкова.

** TIGER – Transformation, Integration and Globalization Economic Research: Научный центр экономических исследований проблем трансформации, интеграции и глобализации Академии предпринимательства и менеджмента (Варшава) и Университета Рочестера (Нью-Йорк). В 1994–1997 гг. Г. Колодко – первый вице-премьер и министр финансов, в 2002–2003 гг. – вице-премьер и министр финансов Польши, играл ведущую роль в подготовке вступления Польши в Европейский союз. Профессор, консультант международных организаций, автор многочисленных научных трудов и публикаций по проблемам транзитивных экономик.

ствующая теория, способная описать происходящее и предложить адекватные, точные рекомендации для политиков, принимающих изюм в день решения, которые влияют на миллионы людей. Если даже политики доказывают, что они могут учитывать ответы и рекомендации экономистов – которые, между прочим, они обычно плохо исполняют, за что общество платит высокую цену, – это еще не означает, что наука может предложить верные ответы на все вопросы и соответствующие решения всех проблем.

Находясь в самой гуще постсоциалистической (посткоммунистической – кто что предпочитает) рыночной трансформации, мы получаем лишь очень приблизительную картину ситуации, и все же, кажется, мы знаем, что мы оставляем за собой и что мы предположительно выдвигаем вперед. Но действительно ли мы знаем, что оставляем, от чего отказываемся? История – сравнительная история тоже – может играть скверные шутки и предоставлять очень мрачную картину недавнего прошлого. Историки называют это феноменом черной легенды. В период Ренессанса средние века были показаны в весьма темных красках; следующая эпоха, в свою очередь, резко критиковала Ренессанс и так далее. Когда Польша восстанавливала свою экономику из руин после второй мировой войны и строила социалистическую систему, полякам преподавали в школах материал о непреодолимых слабостях предвоенного режима. Прежде чем этот период получил справедливую объективную оценку, он тоже вынужден был пройти через эпизод «черной легенды».

И сегодня, когда мы говорим – в Польше и других странах с переходной экономикой нашего региона – какая ужасная жизнь была в годы перед прорывом 1989–1991 гг., это также еще один случай искажения фактов и создания фальшивого образа предтрансформационной реальности и ее экономического аспекта. В самом деле, некоторые люди уже забыли, какой была жизнь в период, предшествовавший постсоциалистическому переходу к рыночной экономике. И стоит внимательно проанализировать некоторые механизмы, действовавшие в те годы, поскольку без их правильного понимания, устраняющего чрезмерно упрощенную и тривиальную интерпретацию, мы не в состоянии составить верный план дей-

ствий для текущей фазы рыночной трансформации.

Как это произошло в Польше 15 лет тому назад, когда по итогам дебатов «Круглого стола» был инициирован исторический процесс ускоренного перехода к политической демократии, рыночной экономике и гражданскому обществу (первый в Центральной, затем в Восточной Европе и, следовательно, в бывшем Советском Союзе – хотя темп и размах этой трансформации варьировались от страны к стране), мы получили определенные знания того, что мы оставляли и что выдвигали вперед. Но – в тех обстоятельствах – мы нуждались во внешней поддержке, не только интеллектуальной, но и, особенно, финансовой. Отечественные ресурсы были недостаточны, и требовались иностранный капитал и технологии, чтобы подкрепить инвестиционные усилия. Но наряду с капиталом нам нужны были идеи и советы, которые приходили иногда даже в большем количестве, чем капитал и технологии.

К сожалению, на этом фундаментальном отрезке нашей истории оказалось, что мы не имеем зрелой и недвусмысленной концепции того, как формировать новую реальность. Несмотря на существование многих ценных идей и предложений, выработанных прежде, особенно в странах, где рыночные реформы были более продвинуты (главным образом, в Польше и Венгрии), не существовало ни последовательной и всесторонней теории (или идеи) трансформации, ни стратегии экономической политики, хотя в них остро нуждались. Не было их ни на Востоке, ни на Старом континенте, ни за Атлантикой.

В таких обстоятельствах интеллектуальный и концептуальный вакуум мог иногда заполняться случайными идеями и бездоказательными предложениями, которые игнорировали **специфические особенности**, характерные для распадающегося социализма и дезинтегрирующей централизованной плановой экономики. Подчас могли преобладать даже некоторые формы экономического шарлатанства, или экономикс знахарей и колдунов. Такая ситуация напоминает охваченные чумой отсталые деревни, в которых местный шаман не мог справиться с бедой: появляется новый шарлатан, который «знает», как вылечить болезнь и устранить источники эпидемии; он проводит свое лечение, используя

преимущество наивного доверия к нему, инспирирует и создает условия для новой болезни, не вылечивая старую.

Интересно, что некоторые исследования, проведенные в США при администрации Рейгана и профинансированные американскими налогоплательщиками, касались, например, экономических аспектов термоядерной войны, включая подготовку практических предложений о том, как возродить экономики, разрушенные в ядерной катастрофе. Политики, интеллектуалы и исследователи из тех, кто имел достаточно воображения, времени и денег для рассуждений «если..., то...», тратили время, воображение и, конечно, деньги для детальных, практических, системно ориентированных исследований, которые должны были обозначить верный курс действий в случае, когда система, которую они так страстно не любили, будет разрушена. В результате Запад оказался интеллектуально и практически не подготовлен к краху социалистической экономики. Это весьма интересно. Напротив, мы в большей степени были подготовлены (на этой стороне «железного занавеса») встретить этот вызов, и в Польше более, чем где-либо еще, что было удостоверено ранее упомянутыми переговорами «Круглого стола» 15 лет тому назад.

Научно установленная истина состоит в том, что отсутствует хороший рецепт по осуществлению отказа от старой системы и построению основ новой, т. е. процесса, в который мы постоянно сегодня вовлечены, хотя, опять-таки, его размах, масштаб различен в разных странах нашего региона мира. Однако в любом случае мы были в некоторой степени удивлены изменениями в конце 80-х годов: их глубоким, радикальным и быстрым характером. Но почему эти перемены произошли в определенный – именно тот – момент? Всегда стоит вопрос, почему что-то случается так, как случается, и именно в тот момент времени. Почему не поколением раньше или позже?

Ответ: вещи, события происходят именно так, как они происходят, потому, что много событий сходятся в одно время и в одном и том же месте. Это верно как для нашей частной жизни, так и для больших экономических событий. Это применимо к большим успехам и эффективным достижениям, равно как и к несчастным случаям и серьезным бедствиям

практически во всех сферах человеческой деятельности. Трагедия «Курска» произошла из-за совпадения нескольких событий в определенное время и в определенном месте; в другом случае субмарина плавала бы до сих пор. Катастрофа «Коламбии» стала результатом множества событий в одном месте; в другом случае шаттл приземлился бы успешно. Это относится и к хорошим вещам, к счастливым событиям; они случаются, когда много вещей происходят в одно время и в одном месте в определенной комбинации причинных и обратных связей.

Подобные явления наблюдались и в событиях 1989–1991 гг. в нашем регионе мира. Здесь также имели место совпадения нескольких событий. Отличие состоит в том, что термины «сейчас» и «после», используемые в этом контексте, относятся к различным масштабам времени. Несколько недель, месяцев или иногда даже лет могут быть лишь мгновением в историческом масштабе. Таким образом, то, что в действительности происходило, было результатом двух процессов, раннее абсолютно независимых друг от друга, которые соединились в этой фазе. Один из них был запущен эндогенным механизмом и встроен в систему. Люди вполне насытились государственным социализмом и централизованно планируемой, чрезмерно бюрократизированной экономикой. Особенно обременительны они были в Советском Союзе. Здесь не проводились реформы, устраняющие системные ограничения («смирительную рубашку»), и любые предпринимаемые меры оставались суррогатом того, что надо было делать. Но и в других странах, например в бывшей Югославии, распавшейся позднее на пять республик, далеко идущие, отчасти рыночно ориентированные реформы похожим образом не принесли ожидаемых результатов.

Здесь и возникает вопрос о различии рыночных реформ и постсоциалистической трансформации. Реформы социалистической экономики не являлись трансформацией. Предпринятые значительные преобразования были ограничены стремлением сохранить систему посредством повышения ее экономической эффективности и конкурентоспособности. И что более важно, необходимо было обеспечить рост показателей производства и потребления, а систему в целом приблизить к большему удовлетворению социальных ожи-

даний. Таковы были принципы рыночных реформ в социалистической экономике. Постсоциалистическая трансформация, в противовес этим принципам, состоит в упразднении прежней системы и замене ее новой системой – «новой и лучшей реальностью».

Конечная фаза существования социалистической экономики включала процесс, вернее, комплекс процессов, выражающихся в особой форме «усталости роста». Централизованно планируемая экономика, реформированная в большей или меньшей степени (в зависимости от региона, точнее – от проводимой политики), не смогла выдержать усиливающуюся конкуренцию со стороны высокоразвитых капиталистических стран. Этот процесс обострился с динамичным началом в этих странах новой индустриальной революции, вызванной развитием и распространением информационных технологий. Наша экономика, напротив, была недостаточно гибкой. Если бы существовал механизм устранения расточительных элементов в экономике, то система, возможно, существовала бы дольше. Но такой механизм отсутствовал. Если же социалистическим предприятиям было бы разрешено банкротство, то стал бы неизбежен коллапс всей системы, которая являлась одной огромной социалистической фабрикой.

Решающие изменения в конце 80-х годов были проведены народом – массами, противостоящими нескольким узким группам интеллектуалов и экономистов, даже тем, кто мог похвастать умением «прыгнуть через высокий забор» (преодолеть сложные препятствия), написать стратегическую статью или прочитать основодробительную лекцию. Но нас интересуют здесь более важные исторические процессы, нежели способы прыжков через изгородь, линию или трудный вопрос.

Как человеческие существа, мы одновременно исполняем три социальные роли: потребителей, производителей и граждан. Как потребители, мы все больше уставали от старой системы, где господствовала экономика дефицита, хотя, опять-таки, ее масштаб различался от страны к стране бывшего социалистического блока.

Сегодня мы вынуждены использовать сложные экономические модели, чтобы рассказать студентам о дефиците, объяснить им само это понятие. Кроме того, мы указываем на не-

которые остающиеся анклавы экономики дефицита в современном мире, такие как Куба или Северная Корея. Со временем – и, скорее, раньше, чем позже – эти реликты дефицитной экономики будут, похоже, исчезать. Исходя из этого, мы должны говорить студентам о патологиях, свойственных экономике дефицита, таких как рacionamento, серый рынок, черный рынок, nepoтизм (кумовство), сбой в распределении, коррумпированная торговая система и др. Мы должны объяснить, прежде всего, такие явления, которые привлекают внимание экономистов: например, асимметрия и искажение информации, вырабатываемой системой искусственных цен. А искаженные цены, естественно, непосредственно сказываются в негативном плане на относительной эффективности аллокации (ресурсов).

Люди устали и как производители, поскольку они видели, что производство плохо организовано и неэффективно. Такие явления, как сверхнормативные запасы, излишнее оборудование, сосуществовали с постоянными дефицитами и плохой работой организаций. В результате люди взбунтовались: подчас они сдерживали свое недовольство, но в других случаях они давали выход своим эмоциям – часто в драматических обстоятельствах и в очень бурной форме.

Наконец, люди все более разочаровывались как граждане, понимая, что существующие институты и процедуры неэффективны, что следовало бы разрешить им говорить открыто и свободно, что реальность не оправдала их ожиданий и что они желают изменить ее в соответствии с их собственными предпочтениями. Короче говоря, демократический механизм не действовал, не было подлинной демократии, хотя ее конкретные недостатки варьировались от страны к стране и ситуация изменялась во времени и месте.

Результатом был все возрастающий потенциал накопленного недовольства. Здесь мы еще раз ставим вопрос, почему события происходят так, как они происходят, и по образу действий, и по времени. Было ли людям гораздо лучше 20 лет назад, и настолько, что тогда не существовало никаких бунтарских проявлений? Было ли китайцам так хорошо, что не проявились настроения недовольства, что власти смогли вести реформы, сохраняя основы старой политической системы, и выжить еще

20 лет – до времени следующего поколения? Другими словами, было ли вероятным падение социализма в Центральной и Восточной Европе уже, скажем, в 1968 г. или близко к этой дате? И если социализм потерпел крах в Советском Союзе более 10 лет тому назад, то как ему удалось выжить – и достичь значительных экономических успехов – до сегодняшнего дня в Китае? Эти интересные вопросы нуждаются в ответах. Поскольку ответ будет не только удовлетворять наше интеллектуальное любопытство, но также содержать практический курс действий, то это поможет нам интерпретировать прошлое и активно формировать будущее.

Такой ответ должен учитывать не только события внутри системы, эндогенный механизм развития, но и внешние перспективы, включающие экзогенные факторы, особенно с точки зрения того, что мир вступил в следующую фазу интенсивной глобализации приблизительно в тот же период времени. И хотя некоторым комментаторам может казаться, что глубинные изменения в бывших социалистических странах могли бы произойти гораздо раньше или позже, фактом является то, что в Польше они имели место в 1989 г. – как и в ряде других стран региона, вскоре последовавших нашему примеру.

В этом месте статьи мы должны переступить границы наших приходских взглядов. В противовес им мы хотим думать, что именно в Польше, в самом центре Европы, инициировались процессы постсоциалистической трансформации, приведя в движение великое колесо истории. Конечно, мы являемся лишь одним зубцом в гораздо большем колесе, которое вертится во все времена и перемалывает вещи, как мельница: в одно время производит и муку, и отруби. Соответственно, многое происходило в это же время в других местах. Я сказал «в других местах», поскольку не было еще мировой экономики в том смысле, какой мы приписываем этому термину сегодня. Мы были отделены от другой, капиталистической, части мировой экономики не только иной политической и идеологической системой. Не существовало свободной торговли и свободного движения инвестиций или финансового капитала, свободного движения товаров и услуг, свободного передвижения людей. Движение идей было тоже относительно ограничен-

ным, также как и движение технологий, по крайней мере, из-за финансовых рестрикций. Мир был, в общем, разделен. Мы говорим о Третьем мире. Но употребление термина «третий мир» (иногда его называют «развивающиеся страны», хотя, к сожалению, они часто не развиваются вообще и даже испытывают спад) подразумевает существование и второго, и первого мира. Мы были Вторым миром. «Они» – высокоразвитые капиталистические страны, всего около 25 стран из более чем 200 стран мира – являлись Первым миром.

На этом фоне зародилась наша мечта о трансформации системы, которая перенесет нас из Второго в Первый мир. Куда же еще она может вести? Естественно, не в третий мир, иначе мы отказались бы поддерживать ее! Только сегодня открывается, что трансформация системы не вызывает автоматически движения от Второго к Первому миру и может даже привести страну ближе к Третьему, чем к Первому миру. Подобное происходит в некоторых постсоветских республиках. Симптомы такого неудачного хода событий можно видеть также в слаборазвитых республиках бывшей Югославии, которые к тому же нагружены последствиями этнического и военного конфликтов.

Между тем другие интересные события происходили в этот период в Первом мире, богатейшей части земного шара. Появилось огромное количество свободного капитала. Высокоразвитые страны – самые богатые в мире – сберегали значительно больше, чем они были в состоянии инвестировать у себя дома. Естественно, они искали возможности инвестировать свои растущие излишки сбережений за рубежом. И они видели огромное пространство земли – от Эльбы до Тихого океана – с высокообразованным человеческим капиталом, огромными ресурсами и мощным потенциалом, которые еще не появились на рынке. Это способствовало появлению концепции «emerging markets», или нарождающихся, возникающих рынков. Для стран в нашей части мира это означало «возникнуть» из нерыночной пропасти. И на самом деле, они возникают, возникали в последние 12 (или около этого) лет и некоторые из них уже почти возникли. Это означает, что эти страны все более открываются для импорта товаров и иностранных инвестиций, для свободных и широких вне-

шних контактов. Но чтобы сделать это возможным в большом масштабе, необходимо создать ряд условий, и в первую очередь обеспечить зарубежным акторам из другой части мировой экономики прибыльность инвестирования их избыточного капитала и продажи их товаров в нашем регионе мира.

Для этого, во-первых, экономика должна быть приватизирована, поскольку никто не будет инвестировать свои сбережения в большом объеме в страны, где доминирует государственная собственность. Поэтому всесторонняя приватизация необходима, это – уникальный вызов, и на него надо ответить в относительно короткий срок, несмотря на нехватку отечественного капитала. А для этого надо открываться.

Во-вторых, национальная валюта должна стать конвертируемой, для того чтобы облегчить финансовые трансферы и платежи. Отсюда – необходимо давление с целью достичь конвертируемости как можно скорее, вначале лишь по текущим операциям, а со временем – по счету капитала. Конечно, это – определенные проблемы для финансовой политики в целом, как в фискальном, так и монетарном аспектах, и их надлежащей координации для обеспечения финансовой стабильности.

В-третьих, движение финансового и физического капитала должно быть либерализовано. Это требует широких структурных реформ и соответствующей институциональной поддержки рынка.

В-четвертых, следует ограничить и со временем отменить тарифы и другие протекционистские барьеры для свободной торговли. Это требует готовности подвергнуть многие отечественные предприятия и целые отрасли экономики конкурентному давлению из-за рубежа.

В-пятых, необходимо политическое согласие для дерегулирования экономики до той степени, когда заработают все процессы, обеспечивающие эффективное функционирование современной, открытой рыночной экономики. Огромное внешнее давление со стороны богатой части мира на наш регион действует как катализатор, гальванизирующий и динамизирующий эндогенный процесс, унаследованный из прошлого развития в нашей части мира.

12 (или около этого) лет тому назад мы были настолько сконцентрированы на нашей

внутренней ситуации, что многие из нас не замечали с достаточной ясностью, что происходило за рубежом. Вполне вероятно, что ни один из вышеназванных процессов не был достаточным сам по себе, чтобы вызвать лавину, в результате которой около 1,7 млрд людей – включая Китай, Вьетнам и Индокитай – идут сегодня по пути к рыночной экономике. Два процесса объединили силы: внутренний процесс, движимый растущим недовольством старой системой, непрерывно терявшей конкурентоспособность из-за отсутствия адаптационной способности, и внешний процесс – давление международного капитала. Старая система умирала как динозавр, который не смог адаптироваться к необратимо изменявшимся условиям.

Именно старая система не сумела приспособиться к требованиям эволюционного процесса, движимого научной и технологической революцией со всеми ее последствиями для глобальной экономики. А мировая экономика – с момента старта трансформации – объединяется в единую, еще более взаимосвязанную систему. Этот процесс – сущность глобализации. Другими словами, если бы мы не присоединились к процессу преодоления закрытости и интеграции с другой частью мировой экономики, то последняя не стала бы глобальной. А сегодня она является глобальной, чему содействовали и мы, хотя наша роль в этой экономике ограничена скромной долей в глобальном производстве и торговле.

Глобализация – исторический процесс либерализации, сопровождаемый интеграцией прежде сильно разделенных рынков капитала, товаров и – в меньшем масштабе и с некоторым опозданием – труда в единый глобальный рыночный комплекс. Если мы хотим быть частью такого комплекса, то должны принять рыночные, т. е. капиталистические «правила игры», которые управляют им. Из этого следует, что нам следует стать капиталистической экономикой, а для того, чтобы стать ею, нам надо пройти через трансформацию от социализма к капитализму. Если смотреть с высоты птичьего полета или – еще лучше – с высоты орбиты спутника Земли, то увидим два процесса, порождающих единый, еще более тесно интегрированный процесс. Они усиливают друг друга посредством механизма обратных связей. Не было бы трансформации

без глобализации. И наоборот, глобализация никогда не состоялась бы без постсоциалистической трансформации.

Вопрос, таким образом, повторяется – была ли в наличии в конце 80-х годов программа, предписывающая, что делать? Существовали ли, кроме общих лозунгов «либерализация», «открытость», «приватизация», какие-либо глубокие и конкретные знания, как вести трансформацию? Едва ли!

В конце 80-х годов мы столкнулись с качественно иными институциональными проблемами, отличающимися от тех, которые в это время осаждали другие «возникающие рынки», за пределами постсоциалистических стран. Дело обстояло не так, как утверждали голословно некоторые западные, в частности американские, экономисты, заявлявшие, что мы похожи на страны Латинской Америки. Подлинное сходство было, фактически, гораздо меньшим, чем могли указать поверхностные аналогии. Для того чтобы проводить соответствующую терапию, необходимо ставить точный диагноз действительного состояния дел. К сожалению, этого не было у американских гуру, что привело к ошибочным рекомендациям в отношении экономической политики. Их экстремальной формой стала концепция «шоковой терапии», принятие которой в начале 90-х годов потребовало тяжелых жертв от польской экономики и общества. Как оказалось, это был совершенно бессмысленный шок вместо остро необходимой терапии.

Страны Центральной и Восточной Европы, в частности бывшие республики Советского Союза, обратились к самым богатым странам мира (входящим в «семерку»), ожидая от них не только притока капитала, но и технической помощи, т. е. советов. Мы спрашивали, что делать, когда старая система рухнет. Как перейти к новой системе? Все мы – включая Польшу – просили также о финансовой помощи из-за бремени внешнего долга. В ответ страны «семерки» профинансировали две международные организации, Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк (ВБ), обладавшие большим потенциалом для ответа на грозный вызов.

МВФ и ВБ приняли в свой состав в один день почти 20 новых стран (включая три постсоветские республики), экономики которых становились новыми «возникающими рынка-

ми», функционирующими в соответствии с правилами Первого мира. Но готового рецепта, что делать, не было. Как мы уже знаем, никаких исследований проблем, направлений и методов действий по возможному демонтажу социализма не проводилось. Однако в запасе было предложение Вашингтонского консенсуса, которое стало основой решения. Это теоретическая концепция, разработанная в качестве лекарства от структурного кризиса и огромных задолженностей в странах Латинской Америки.

Данная концепция, по мнению людей, принимавших решения, вполне подходила для постсоциалистических стран. Эти люди считали, что мы мало чем отличались от стран Латинской Америки. В некотором смысле наши экономики были даже «хуже», чем их неэффективные экономики, поскольку мы имели больший госсектор, более сильные профсоюзы, больше канцелярщины, меньше конвертируемых валют, больше бюрократических процедур и, особенно, централизованного регулирования цен. Поэтому, мол, надо все делать так, как сделано в странах Латинской Америки и других подобных странах, но с даже большей самоотверженностью и настойчивостью. Что, собственно, предписывалось Вашингтонским консенсусом? Упрощенно говоря, он понуждал заинтересованные страны приватизировать как можно больше и быстрее, либерализовать торговлю и цены при ближайшей возможности и быть жесткими в проведении финансовой политики как в монетарном, так и в бюджетном аспектах.

Было ли что-либо неправильное в этих советах? Далеко нет. Не было ничего такого. Но кроме их содержания, следует принимать во внимание и то, что могло быть упущено.

В самом деле, следовало приватизировать, либерализовать, поддерживать финансовую дисциплину и проводить жесткую монетарную и бюджетную политику. Но этого было недостаточно. Что Вашингтонский консенсус просмотрел и упустил, так это огромную роль институционального строительства при переходе к рыночной экономике.

Что представляют собой институты? Они включают в себя нормы и правила рынка (а также законы) и организации, которые обеспечивают их соблюдение, используя метод «кнута и пряника». И сегодня, когда мы стро-

им рыночную экономику в наших странах, мы видим, перед каким огромным вызовом стоим. Приватизация и либерализация – это далеко не все. Еще много предстоит сделать, чтобы заново институционализировать экономическую активность. В конце концов, мы строим новую систему.

После 12 или более лет усилий цель была достигнута, но с разной степенью завершения в разных странах. Польша, как и некоторые другие государства, тоже значительно продвинулась в этом процессе, если иметь в виду адаптацию правил, регуляторов и институциональной среды в связи с ее вступлением в Европейский союз. Это – результат нашей геополитической ситуации и также нашего благоразумия. Было бы очень немудро на данной стадии глобальной экономической интеграции не вступить в такую большую экономическую организацию, как Европейский союз. День вступления пришел. Но нам предстоит еще очень много сделать и после официальной даты приема – 1 мая 2004 г.

Со временем польская экономика начнет функционировать также, как рыночные экономики Европейского союза, хотя определенные слабости будут сохраняться какой-то период. Это – наш шанс и наш выбор. К сожалению, такой выбор недостижим в обозримом будущем для многих стран, включая некоторые постсоциалистические страны на Балканах и постсоветские республики в Центральной Азии. Этот путь закрыт для них, по крайней мере, сегодня, в нынешней ситуации, но, принимая во внимание их геополитическое положение, так может продолжаться вечно.

Резюмируя, отметим, что курс и характер великой экономической трансформации в Польше и ряде других стран были результатом совпадения внутренних и внешних обстоятельств. И никакие из них нельзя недооценивать и переоценивать. Самое главное, они не должны рассматриваться вне их соответствующего политического и исторического контекста, а также вне того факта, что мы внедряем рыночную экономику, которая следует правилам, действующим в Европейском союзе. Европейская интеграция в этом контексте должна восприниматься как элемент более широкой игры: глобального соперничества экономических организаций.

Малые и средние по масштабу страны, открываясь для глобальной экономики, могли бы получать пользу от интеграции, так как она создает лучшие возможности в современной мировой конкурентной борьбе. Остаться вне господствующей тенденции означает занимать, в действительности, место на периферии мирового сообщества.

Страны, извлекающие адекватные социально-политические выводы из соответствующих экономических теорий, развиваются быстрее. И такие страны существуют, хотя, к сожалению, их немного. В последнюю четверть прошлого столетия лишь в нескольких странах экономический рост постоянно составлял в среднем 5–7% ежегодно. Ситуация напоминает анекдот о двух туристах в горной дикой местности, которые после изнурительного дневного перехода сидят под деревом и едят сэндвичи, – и вдруг появляется медведь. Один из туристов бросает свой сэндвич, достает спортивные ботинки и быстро надевает их. Его компаньон спрашивает: «Ты думаешь, что сможешь бежать быстрее медведя?» На что следует ответ: «Нет, не быстрее, чем медведь, но определенно быстрее тебя!»

Отсюда вывод: бежать быстрее, чтобы получить большую экономическую динамику, чем в высокоразвитых странах. В ходе развития следует полностью осознавать, что возможности, связанные с трансформацией и глобализацией, могут быть использованы в разной степени в зависимости от способности и активности.

Польша, которую часто рассматривают как относительно успешно трансформирующуюся экономику в последние 15 лет, имела также свои удачи и неудачи. Можно выделить четыре четко различающихся периода польской трансформации после переговоров «круглого стола». Первый был назван периодом шоковой терапии, хотя, как уже говорилось ранее, он содержал слишком много ненужных шоков и слишком мало терапии, что вызвало чрезмерные затраты и жертвы. Скромные результаты 1990–1993 гг. отразились, наряду с другими вещами, в глубоком трансформационном спаде. Его менее длительный, чем в других странах, характер явился, главным образом, следствием того факта, что к 1989 г. в Польше уже продвинулись рыночные реформы и была более высокой готовность к импле-

ментации рыночных механизмов по сравнению с другими странами региона.

Мы включили новые механизмы, изменили скорости и выработали концепцию экономической политики на 1994–1997 гг., нацеленную на реализацию основных направлений программы «Стратегия для Польши». Ее самая характерная черта – инструментальный подход к институциональным преобразованиям и структурной реформе (включая, в частности, продолжение процессов приватизации), подчиненный нуждам социально-экономического развития. Была улучшена координация фискальной и монетарной, промышленной и торговой политики; государство не воздерживалось также от уместных интервенций. В первую очередь, мы поощряли институциональные изменения, т. е. обучение «правилам игры», проведение соответствующих законов и создание организаций для обеспечения согласия между всеми экономическими акторами, всеми субъектами рынка, включая вновь возникающие малые и средние частные предприятия, и для борьбы с бюрократизмом в государственных и местных органах власти.

Затем, к сожалению, работа демократического механизма качнула маятник событий в другую сторону. Пришло новое правительство с «новыми» (отчасти и реставрированными) взглядами и вернулось к ряду старых методов из арсенала Вашингтонского консенсуса, несовместимых с польскими реалиями. Действовали по принципу: если теория не подходит к реальному миру, то надо изменить не теорию, а реальный мир. Были предприняты меры, совершенно ненужные, по охлаждению экономики. Этот процесс привел к феномену, называемому в Англии *overkilling* (многократное уничтожение), а в Польше, менее элегантно, *butchering* (жестокое и ненужное

убийство), т. е. уничтожение экономики. В результате рост ВВП снизился с 7,5% в 1997 г. (весной этого года я ушел из политики) до мизерных, стагнирующих 0,2% в IV квартале 2001 г. Вскоре меня пригласили вернуться опять в правительство. В сложившихся обстоятельствах нам необходимо было восстановить быстрый рост. И мы добились успехов в этом отношении. С ничтожных 0,8% во II квартале 2002 г. мы подняли рост до более 3,8% во II квартале 2003 г., вернули польскую экономику на траекторию ускоренного роста, поставив задачу достичь роста ВВП в 5% уже во II полугодии 2004 г. – года вступления Польши в Европейский союз.

Мы питали надежду, что встали на путь ускоренного роста не только на четыре года, как это мы сделали в период реализации «Стратегии для Польши», но и, по крайней мере, на 15 или даже 25 лет. Мы должны двигаться быстрее не только медведя, но и развитых стран и сократить разрыв между уровнями экономического развития, образовавшийся в ходе истории. Но это ни в коей мере нельзя считать само собой реализующимся. Тот факт, что мы ведем рыночную трансформацию, или тот, что мы открыты для сложной конкурентной игры в мировой экономике, не гарантирует нам автоматически экономического успеха.

Такой успех приходит, прежде всего, как результат мудрой стратегии социально-экономического развития. Один вывод следует неизбежно из моего практического опыта дома и за рубежом, теоретических исследований (в том числе и в области сравнительной экономики) и постоянных размышлений: хорошая стратегия и политика социально-экономического развития может базироваться только на зрелой экономической теории, которая находится сегодня еще в стадии становления.

